

«А в остальном, прекрасная маркиза...»

11 августа исполнилась годовщина, как было открыто варварство в святая святых — заповеднике. Многие следы, многое передумано. Мы оказались обескуражены равнодушием, окружающим заповедник. На словах браконьерство в заповеднике осуждалось, на деле — тишь да гладь да божья благодать. И неправда, что затишь на центральной усадьбе заповедника только тогда, когда Стрельниковы уезжают на стационар. Никаких батальи не бывает и в наше присутствие. Каждый замкнулся в своем мирке, из которого не высовывается, выжидая, чья возьмет. Мне где-то понятна позиция Минприроды — как-никак события задела одну из его сотрудниц. Но мне не понятна позиция районной администрации, ее созерцание происходящего.

К «славной» годовщине мы подошли со следующими результатами:

Минприроды РФ признало охрану заповедника и ведение научно-исследовательских работ успешными и разрешило премировать директора и его заместителя по науке. По иронии судьбы телеграмма о премировании пришла накануне годовщины.

Нам, «новикам торжества», «учитывая большой опыт работы в заповеднике и высокую квалификацию, Главное управление предлагает перейти в другой заповедник системы Минприроды, в случае согласия Главк готов помочь подыскать устраивающее место работы... Конечно, зачем Юганскому заповеднику квалифицированные специалисты? Все как у Омара Хайяма:

*Тот, кто следует разуму, — доит быка.
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.*

Взяться за перо меня побудило совсем не то, о чем говорилась выше. Есть в заповеднике Стрельниковы или нет, не имеет никакого значения, веревочка все равно разовьется. Самое главное — сама Природа нас отблагодарила! Несмотря на то, что администрация заповедника сорвала выполнение нами многих весенних работ, задерживая выезд на стационар и принудив сначала одного, потом другого уйти в отпуск — в разгар полевого сезона.

Природа освободила нас от назойливых комаров и мошки — такого в нашей практике еще не было. Нам были открыты многие тайны, мы стали свидетелями многих редких явлений: нашли на гнездовании гаршнепа, который должен получить прописку в Красной книге России (на снимке), отметили вспышку численности бородачей неясны, которая на некоторых отрезках русла Негусьяха гнездилась даже через 800 метров, тогда как в Финляндии и

Канаде она устраивает гнезда через 20-30 км. В свою очередь, неясны были привлечены высокой численностью мышевидных грызунов: полевки-экономки, обыкновенной полевки, лесного лемминга и др.

В дни заезда шел снег, приходилось пережидать непогоду на кордоне. Большая хантыйская лодка медленно шла против течения Негусьяха, полноводного после долгой зимы. То тут, то там шум мотора поднимал стай разных уток. В основном это были чирки-свистунки, много связыи. Часто самцы не обращали внимания на проходящую лодку, токовали, «исполняли арии» своим резким свистяще-скрипучим голосом, демонстрировали самкам различные позы, стараясь отвлечь более напористого собрата. Но вот самка не выдерживает, взлетает, и вся свята, иногда образованная 5-7 селезнями, увлекается за ней. Лодка движется все дальше и дальше, в глубь заповедника. К исходу третьего дня, как мы покинули Угут, лодка пересекла северную границу.

Уже за вторым поворотом нам навстречу из леса выскочил зверь и бросился в реку. Через некоторое время из-под воды показалась очаровательная мордочка с торчащими в разные стороны усами — выдра. Зверек будто спрашивал: что приехали? Любопытная мордочка долго смотрела нам вслед, пока лодка не скрылась за поворотом. Примерно через час мы приблизились к стационару.

Лодка вырулила из-за поворота, и перед нами открылась великолепная картина. Прямо на противоположном берегу, у избушки, нас встречал коронованный властелин — лось. Его корона еще не была такой богатой, как осенью, и тем не менее... Мотор не пугал зверя. Лодка причалила, некоторое время мы не шевелились, только глаза внимательно старались разглядеть Его Величество. Зверь стоял. Тогда началась разгрузка, старались не шуметь, он все стоял, лишь легкое прядание ушей выдавало его волнение. Поприветствовав наше прибытие, лось с достоинством, с завидной для такого великана грацией и легкостью удалился в лес.

Вскоре после исчезновения лося прилетел глухарь. Огромный петух сидел на верхушке осины и следил за людьми. Начали стучаться сумерки, и он улетел токовать — может быть, в его песне прозвучал рассказ и о нас.

Уже в темноте, сидя у костра после ужина с кружкой горячего кофе, мы попыгались объяснить недавно пережитое. Если жизнь — это ход символов, то лосиное поведение трактовалось как благодарность за наше участие в борьбе за пресечение прошлогоднего побищца лосей в дебрях Божелесья, за пережитое нами унижение.

Через неделю мне пришлось возвращаться в Угут. И вновь многое было встречено. Самое яркое впечатление произвела встреча

опять же с лосями. Лодка уже прошла устье маленькой речки, впадающей в Негусьях, в то время также полноводной. Какой-то внутренний толчок и боковое зрение побудили меня оглянуться. Устье перешивала досиха с лосятами. При шуме мотора она развернулась и поплыла обратно. Телята были настолько малы и слабы, что, когда они вышли на берег, походка их была шаткой, а на животах еще болтались остатки пуповины.

Лосиха попыталась пуститься в бегство и увлечь за собой лосят, но передумала. С крутого берега она бросилась к реке, где задержался младший теленок. Поднялось облако пыли, раздался треск веток. Мне показались — еще миг, и она стопчет малыша. Лосиха была полна решимости, встала, прикрыв своим телом теленка, опустила голову будто приготовилась бодаться, хотя обычно они обороняются копытами передних ног. Ее уши были плотно прижаты. Что скажешь? — мать! Прошла пара минут. Теленок перевел дыхание, взобрался на берег, а вслед за ним, теперь уже бесшумно, исчезла и лосиха. И уже ничто не напоминало о них, только шерсть плавала в воде.

Многим читателям известно, что у пингинов и пеликанов есть няньки. Оказывается, есть они и у больших веретенников. Очевидно, ясли характерны для большинства колониальных видов. Взрослые птицы очень короткое время проводят в местах гнездования, они даже не дожидаются, когда птены поднимутся на крыло, их не волнует дальнейшая судьба чад. Они свое дело сделали, высидели птенцов, обогрели в первые дни — и все, пора возвращаться на зимовки, где они сразу начинают линять.

И вот в один из последних дней июня взрослые веретенники поднялись в небо, совершили несколько прощальных кругов, «пожелали» своим птенцам скорее подрастать и прилетать на зимовку, и улетели. Когда, как и каким «голосованием» было определено, кому из них остаться для присмотра за куличатами? Оставшись без родителей, птенцы собрались вокруг одной-единственной взрослой птицы, сторожа, няньки — как вам угодно.

В этом году остался старый самец с интенсивно коричневым оперением. Когда птенцам ничто не угрожало, он кормился или, сидя на верхушке небольшой сосны, вел свои наблюдения. При появлении человека он оповещал всех своим голосом, взлетал, облетал участок, где были птенцы, при этом перекликался с

ними. Когда куличата отходили или отлетали в сторону, он летел к ним, вновь усаживался на дерево — и все повторялось.

По-другому он себя вел, когда появлялся пернатый хищник. Прогонял ему дельзца, от него зависит судьба оставленного на его попечение потомства. Как только где-то мелькнет тень сокола или ястреба, сторож стремительно взмывает высоко в небо, и оттуда раздастся неистовый голос. Птенцы, кто где стоял — там лег и затаился, неважно где — в небольшой луже или под кустиком. Затаившегося птенца найти почти невозможно. Птенцы постарше взлетали вслед за нянькой и улетали в сторону от опасного места. Как бы не был бдителен сторож, а все же нам попадались останки страдательных куличат. Обычно они относились с старшей возрастной группе. Возможно, кулички рано понадеялись на свои крылья...

Часто ловишь себя на мысли, что все это великолепие, торжество гармонии Природы, все ее беззащитные существа, населяющие Божелесье, зависят от людей подчас равнодушных, далеких от всего этого. Как ни парадоксально, но и судьба маленького лесного народа ханты зависит от ситуации в заповеднике и вокруг него. Будет заповедник — будет зверь, придет он и в уголья ханты, выживет этот народ. Между тем, есть люди, которые желают растащить заповедник: одному подавай вершины речек на юге заповедника, другому выдели 93 телячки га на Негусьяхе. И это вместо того, чтобы провозгласить заповедник «Ем-тахе». Только наш директор ничего этого не хочет замечать, у него, как в той замечательной песне, «все хорошо, прекрасная маркиза»...

Е. СТРЕЛЬНИКОВ,
старший научный сотрудник
Государственного природного заповедника
«Юганский».

